

МАГИЯ (В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПЛАТОНИЗМУ)

Магия, как явление общее практически для всех известных нам форм культуры, присутствовала и в античной — греческой и римской — цивилизации с самых древнейших времен. Однако с некоторого времени античная магия начинает превращаться в уникальное явления, перерастая рамки греческой и римской культур и становясь средиземноморским явлением, объединяя в себе в разных пропорциях, наряду с традиционными греко-римскими формами магии, элементы магии египетской, иудейской и вавилонской. В общих чертах этот процесс, видимо, закончился к началу новой эры. О том, что представляла собой эта новая форма магии мы узнаем из документов разного типа. На первое место, безусловно, нужно поставить греческие магические папирусы из Египта, большая часть которых является рабочими руководствами практикующих магов, живших в Египте и говоривших на греческом языке. К этому же типу принадлежат магические папирусы на коптском языке и восстановленный из фрагментов еврейский учебник магии. Наряду с этими источниками имеются и косвенные свидетельства, рассеянные по текстам разных античных авторов от Плиния Старшего (I в. н. э.) до Михаила Пселла (XI н. э.). Располагаем мы также и теоретическими сочинениями, пытающимися осмыслить магическое искусство с философских позиций; здесь и трактат Цицерона «О дивинации», и трактат Плутарха Херонейского «О суеверии» и «Апология» Апулея, и восстанавли-

* *Петров Андрей Валентинович* — ст. преподаватель кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ.

ваемые лишь частично «Философия из оракулов» и «Письмо к Анебону» Порфирия, и «О мистериях» Ямвлиха, и восстанавливаемые по фрагментам сочинения Прокла.

Из этих источников восстанавливаются факты фундаментальной важности. Во-первых, из папирусных документов и косвенных свидетельств становится совершенно ясно, что средиземноморская магия была весьма сложной, развитой дисциплиной, где были свои профессионалы и дилетанты, свои традиционалисты и новаторы, своя элита и свои маргиналы. Тексты папирусов указывают на существование определенных стереотипов в построении магического действия — праксиса, иногда весьма сложного. Устойчивыми элементами праксиса оказываются выбор и подготовка подходящего места, приобретение и создание подручных материалов, разного типа молитвы (призывающие бога, передающие ему просьбу, заставляющие его уйти и т. д.), так называемые истинные или варварские имена богов. Принципиально важным в этом типе магии оказывается то, что всякое магическое действие — будь то получение оракула или возбуждение любовной страсти, или удача в путешествии — обязательно сопровождается вступлением в контакт со сверхъестественными силами, вплоть до высочайшего (с точки зрения призывающего его мага) Бога. Во-вторых, свидетельства классической античной литературы показывают распространенность магии как социального явления. Из разрозненных замечаний Цицерона (I в. н. э.) мы видим, что интеллектуальная элита его времени активно увлекалась магией, хотя это увлечение осуждалось просвещенным римским сообществом. Из энциклопедии Плиния Старшего (I в. н. э.) вырисовывается хождение в среде ученых и в элитарных слоях вообще богатой литературы, так или иначе связанной с магией,

которая становится предметом теоретизирования. Апулей (II в. н. э.) показывает, что во втором веке можно почти открыто говорить, что ты — маг в присутствии людей не просто нормативных, но и чиновных. Рассказы Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) о репрессиях показывают, что в его время трудно найти человека, так или иначе не связанного с магией. В-третьих, теоретические сочинения показывают достаточно хорошо очерчиваемую тенденцию к оправданию и ассимиляции магии философией.

История отношений между магией и платонизмом открывается двумя небольшими пассажами из платоновского корпуса. В «Алкивиаде I» Платон замечает, что персидского принца обучают магии, а в «Пире» Диотима, отвечая на вопрос — каково назначение демонов, — говорит: *«Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчествам и чародейству»*. Справедливости ради, следует заметить, что фундаментальность этого положения была осознана много позже, во II в. н. э., средними платониками и в первую очередь Апулеем. А своей «Апологии», он, опираясь на данные пассажи Платона, делает вывод, определивший тенденцию отношения к магии на следующие несколько веков: магия как сознательное общение с демонами-посредниками является достойной формой деятельности для любого, кто стремится к богам, и для философа в первую очередь.

Следующим крупным шагом была полемика между Порфирием, сформулировавшим в своем «Письме к Анебону» принципиальные трудности, возникающие перед платоником, обосновывающим магическое искусство. Самым важным, на наш взгляд, была постановка вопроса о том, как может признавать неаффицируемость богов тот, кто принуждает их к чему-либо с помощью магических процедур. Ямвлих, ответивший Порфирию своими «Мистериями» (другое их название «Ответ учителя Абамона на письмо к Анебону»), впервые создает подробную теорию магии, в центре которой находится принцип: все магические действия лишь по видимости обращены на богов и демонов, но на самом деле они изменяют лишь человека и другие вещи материального мира, делая их способными для принятия божественного света, который всегда изливается на низшие, однако не всегда может быть этими вещами принят.

За Ямвлихом следует уже целое поколение платоников, практикующих теургию (так стала называться платоническая магия), о которых мы узнаем из сочинения Евнапия. Последний, видимо, этап эволюции философской магии на античной почве связан с именами трех афинских платоников IV–V вв. — Плутарха, Сириана и Прокла. Плутарх, основатель афинской неоплатонической школы был женат на внучке знаменитого теурга Нестория и касался в своих работах теории теургии. О его, как и о Сириана, взглядах, мы узнаем по большей части из сочинений Прокла, по которому рассеяны многочисленные, но отрывочные рассуждения о теургии. Благодаря Михаилу Пселлу и еще нескольким византийским авторам мы обладаем фрагментами его сочинений, посвященных теургии непосредственно: из «Эклога из халдейской философии»

и «О священническом искусстве у эллинов». По этим текстам мы можем видеть, что учение о теургии представляет собой в афинском неоплатонизме детально развитое учение с отработанной богатой терминологией, связи которого с другими учениями (о едином, триадах, демиургии, физикой, психологией и пр.) тщательно продуманы. Теургия у Прокла выходит далеко за рамки магии в обыденном смысле и становится универсальным принципом, суть которого в том, что теург превращает худшее в лучшее в онтологическом смысле, т. е. не плохого человека в хорошего или больного в доброго, а человека — в демона, растение — в животное и т. д.

Соединясь с алхимическим учением и практикой трансмутации эта теория переходит в средневековье как на западной почве, так и в Византии и, наконец, переживает расцвет в эпоху Возрождения.

*Р. В. Светлов**

ДЕМИУРГ «ТИМЕЯ»:
МЕТАФОРА РЕМЕСЛЕННИКА
И ПРИРОДА РАССУДКА

Философский текст обладает загадочным свойством. Он настолько прозрачен, что с изяществом барочного танцора уступает пространство своего содержания совокупности смыслов, привносимых читателем. Он напоминает зеркало, в котором отражается лик смотрящегося, а

* *Светлов Роман Викторович* — д-р филос. наук, проф. кафедры истории философии философского факультета СПбГУ.